

Научная статья

УДК 159.9.072.43:159.955.4

<https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.10>

Специфика структурной организации метакогнитивных компонентов рефлексивности

Анатолий В. Карпов¹, Александр А. Карпов²✉, Анна В. Чемякина³

^{1,2,3} Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

✉ karpov.sander2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время особую актуальность приобретает исследование когнитивных и метакогнитивных процессов в профессиональной деятельности. В плане решения этой стратегической задачи объективно необходима конвергенция исследований в двух важных направлениях – в психологии рефлексии и метакогнитивизме. Новизна исследования состоит в том, что в нём выявлены и проинтерпретированы базовые особенности и закономерности, а также операционные средства структурной организации рефлексии и эксплицирующие ее несводимость к аддитивной совокупности входящих в нее основных метакогнитивных процессов. **Методы.** Выборку (n = 220) составили представители основных классов деятельности – субъект-объектного, субъект-субъектного и субъектно-информационного, а также студенты вузов Ярославля и Москвы. Психодиагностика выполнена с помощью авторских методик диагностики рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева) и метамышления (А. А. Карпов), а также комплекса разработанных в метакогнитивизме методик – методики Р. Диксона – Д. Халтча (Metamemory in Adult – MIA), методики Д. Эверсон для диагностики метапланирования, методики диагностики мотивационных метакогнитивных стратегий (MSLQ) и др. **Результаты.** Установлено, что индивидуальная мера рефлексивности не тождественна величине метакогнитивного потенциала, образованного аддитивной совокупностью основных метакогнитивных процессов и качеств. Следовательно, в ней как интегральном индивидуальном качестве имеет место действие специфически системных закономерностей и механизмов собственно интегративного типа, порождающих синергетические эффекты и приводящих к генерации нового – специфического для нее содержания. **Обсуждение результатов.** Результаты проинтерпретированы с позиций основных положений метакогнитивизма, а также базовых положений теории систем и психологии рефлексии. В заключение сделан вывод о несводимости содержания рефлексивности к аддитивной совокупности входящих в нее парциальных составляющих – метакогнитивных процессов и качеств, что определяет специфичность ее психологического статуса и ее своеобразие как интегрального психического свойства.

Ключевые слова

рефлексивность, метакогнитивные процессы, метакогнитивные качества, структурные закономерности, интегративные механизмы, синергетические эффекты, супераддитивность, рефлексия, произвольная регуляция, когнитивные процессы

Основные положения

- основные метакогнитивные процессы и качества являются парциальными компонентами рефлексивности;
- одной из основных и наиболее специфических закономерностей организации рефлексивности является нетождественность меры ее индивидуальной выраженности и общей величины метакогнитивного потенциала;
- в рефлексии как макропроцессе и, соответственно, в рефлексивности как его результативном проявлении – интегральном индивидуальном качестве – имеет место действие специфически системных закономерностей и механизмов аналогичного их природе типа – собственно интегративных; они порождают синергетические эффекты приводят к генерации нового специфического для нее содержания, а также эксплицируют ее как образование системного типа.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ); номер проекта 21-18-00039.

Для цитирования

Карпов, А. В., Карпов, А. А., Чемякина, А. В. (2022). Специфика структурной организации метакогнитивных компонентов рефлексивности. *Российский психологический журнал*, 19(1), 127–142. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.10>

Введение

Основной и наиболее общей тенденцией эволюции видов и форм профессиональной деятельности, а также изменения их содержания является, как известно, их существенное усложнение. Особенно отчетливые и многоплановые проявления она приобрела в связи с широким распространением компьютерных технологий, с их внедрением практически во все основные сферы профессиональной деятельности. В свою очередь, доминирующим вектором такого усложнения является придание многим видам деятельности подчеркнуто информационного характера и, как следствие, – возрастание роли в них собственно когнитивной составляющей. В силу этого, на первый план неуклонно выходит необходимость всё более полного и углубленного изучения аналогичных по степени сложности организации профессиональной деятельности, взятых в их наиболее сложных и комплексных формах, – когнитивных. Важнейшими из них являются процессы произвольной – собственно рефлексивной организации деятельности, а также лежащие в их основе закономерности и механизмы ее осознаваемой регуляции.

В плане решения этой – по существу, стратегической задачи объективно необходима опора не только на те исследования, которые выполнены в русле традиционной «рефлексивной

проблематики», но и на те результаты, которые получены к настоящему времени в одном из основных направлений современной когнитивной психологии – в *метакогнитивизме*. Дело в том, что именно в нём главным предметом исследования выступают те процессы и качества, которые являются основными парциальными компонентами самой рефлексии и, соответственно, основными операционными средствами осознаваемой, произвольной регуляции деятельности – метакогнитивные. Более того, сам метакогнитивизм в целом – это, фактически, во многом и есть современное проявление рефлексивной проблематики как таковой, а шире – и психологии сознания, представленной в новых и новейших достижениях когнитивной психологии. Однако именно в их свете как раз и эксплицируется одна из острых и важных, но не решенных до сих пор проблем – даже своего рода парадокс, состоящий в следующем. С одной стороны, в психологии рефлексии доказано, что свойство рефлексивности континуально и имеет индивидуальную меру выраженности, которая может быть диагностирована соответствующими измерительными процедурами (А. В. Карпов, 2004). В настоящее время существует целый ряд такого рода процедур – в частности, методики Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина (Леонтьев, Осин, 2014), методика «рефлексивности деятельности» (Шадриков, Кургинян, 2015), методика М. Гранта (Yzerbyt, Lories, & Dardenne, 1998), а также методика диагностики интегрального уровня рефлексивности, разработанная нами с В. В. Пономаревой (А. В. Карпов, 2004). С другой стороны, в метакогнитивизме также показано, что основные метакогнитивные процессы (в частности, метамышление и метапамять) и соответствующие им результативные эффекты – метакогнитивные качества – также имеют различную индивидуальную меру выраженности. В этом плане проведены исследования, направленные не только на содержательный анализ этих процессов, но и на изучение индивидуальных вариаций в мере их выраженности (Abdelrahman, 2020; Allon, Gutkin, & Bruning, 1994; Schwartz & Metcalfe, 2017; Karpov, 2015). Представлены и исследования, в которых предпринимается попытка разработки специальных психодиагностических методик, направленных на определение этой индивидуальной меры (Craig, Hale, Grainger, & Stewart, 2020; Dixon & Hultsch, 1983; Schraw & Dennison, 1994; Lim & Ng, 2011; Song, Loyal, & Lond, 2021).

Эти исследования проводятся, в основном, в рамках более широкого теоретического контекста – в русле, пожалуй, главного и определяющего направления всего метакогнитивизма, основной задачей которого является экспликация содержания и специфики его *предмета*, а также определение его границ. В его русле сформулированы и наиболее значимые концепции, раскрывающие содержание и организацию предметной сферы метакогнитивизма. Среди них необходимо отметить, прежде всего, иерархическую модель метакогнитивных процессов М. Феррари (Ferrari & McBride, 2011), теорию «когнитивных метаоператоров» Д. Дёрнера (Dörner, 1978), концепцию «когнитивного мониторинга» Л. Нельсона и Л. Наренса (Nelson, 1996), концепцию «метарегулятивных функций» М. Лефевр-Пинара (Lefebvre-Pinard, 1983), концепцию «синтетических метапроцессов» Р. Джермена (Jarman, Vavrik, & Walton, 1995), концепцию структуры метакогнитивного опыта М. А. Холодной (Холодная, 2012), теорию «метаархитектоники сознания» Э. Блэки и С. Спенса (Yzerbyt et al., 1998). Представлены и более частные концепции, посвященные исследованию какого-либо отдельного метакогнитивного процесса (Дж. Борковски, Р. Клюве, Дж. Меткалф, Р. Парис, Е. Мадиган, Э. Тульвинг и др.) (Brown, 1987; Borkowski & Muthukrishna, 1992; Андерсон, 2002; Flavell, Miller, & Miller, 1993; Kluwe, 1982; Metcalfe & Eich, 2019; Tulving, 1985; Splichal, Oshima, & Oshima, 2018).

В этих исследованиях показано, что не только каждое из метакогнитивных образований

по отдельности, но и вся их *совокупность* также характеризуется индивидуальной мерой выраженности, варьирующей в весьма широком диапазоне. Необходимо подчеркнуть также, что для ее обозначения пока не сложился какой-либо общепринятый термин, хотя потребность в нём ощущается все острее. В этом плане используются, например, такие понятия, как метакогнитивный потенциал субъекта, метакогнитивность личности, метакогнитивная сфера личности, метакогнитивный ресурс, метакогнитивная одаренность, и др. Они являются достаточно конструктивными понятийными средствами, синтезирующими в себе целый ряд принципиально близких в функциональном отношении факторов метакогнитивного плана, но делающих это в отношении разных исследовательских задач. Так, понятие метакогнитивного ресурса имеет непосредственное отношение к разрабатываемому М. А. Холодной и ее сотрудниками ресурсному подходу в психологии способностей (Холодная, 2012). Понятие метакогнитивной сферы личности в большей степени направлено на обобщенную экспликацию не только факторов собственно метакогнитивного плана, но и на их детерминацию со стороны иных – собственно личностных качеств (А. А. Карпов, 2018). Понятие метакогнитивной одаренности, также имея тесную связь с проблематикой способностей, всё же более релевантно иному – «дидактическому направлению» метакогнитивизма, основным предметом в котором являются метакогнитивные факторы процесса обучения и его оптимизации (Dori, Mevarech, & Baker, 2018; Schraw & Dennison, 1994; Veenman, Van Hout-Wolters, & Afflerbach, 2006; Davidson, Deuser, & Sternberg, 1994; Mariano, Figliano, & Dozier, 2017). Понятие метакогнитивности в большей степени соотносится с исследованиями в области психологии личности, поскольку использует этот конструкт как концептуальное средство дифференциации и последующего изучения инвариантного и относительно ортогонального личностного качества (Карпов, Карпов, 2015).

Важно иметь в виду и то, что несмотря на очевидные и вполне естественные различия в представленных понятиях и их трактовках, все они имеют одну общую и очень характерную особенность. Она состоит в том, что общая степень – мера выраженности, *количественная* экспликация той сущности, которая ими обозначается – будь то «потенциал», «одаренность», «метакогнитивность», «ресурсность» и пр., трактуется как непосредственная производная от *аддитивной* совокупности их компонентов – частей, «составляющих», т. е. от их *агрегативного* объединения. Иначе говоря, аксиоматично полагается, что этот потенциал не только произведен от «суммы частей» образующих его компонентов, но и *сводится* к ней. Однако практически полностью не учитывается то, что он может быть детерминирован не только суммой факторов метакогнитивного плана, но и их организацией – *структурными* эффектами и сопряженными с ними механизмами синергетического типа, организационными феноменами. Следовательно, можно видеть, что сложившийся к настоящему времени способ его трактовки не только очень близок к аналитическому подходу как таковому, но и является его непосредственным проявлением. И уже одно это свидетельствует о том, что такой подход, по-видимому, не является наиболее перспективным и конструктивным, поскольку он не только может, но и должен быть трансформирован в иной – более мощный в эвристическом отношении подход – *системный*. Именно с его позиций открываются принципиальные возможности для раскрытия закономерностей собственно структурного, организационного типа. Однако именно они остаются пока практически не учтенными и не объясненными в существующих подходах к экспликации метакогнитивной сферы личности и того потенциала, которым она характеризуется.

Всё это обуславливает ту ситуацию, которая сложилась в настоящее время и состоит в следующем. Если базироваться на доминирующем сегодня аналитическом подходе – на аддитивной трактовке метакогнитивного потенциала, а также учитывать одно из основных положений – о метакогнитивных процессах и качествах как главных компонентах рефлексии, то следует заключить, что индивидуальная степень рефлексивности и величина метакогнитивного потенциала должны быть не просто сходными, но и практически *идентичными*. Вместе с тем именно это, как показывают исследования, систематически не подтверждается. Другими словами, общий уровень рефлексивности – индивидуальная мера ее выраженности и величина метакогнитивного потенциала, представленная как суперпозиция базовых метакогнитивных процессов и качеств, а также иных операционных средств этого типа, *различны*, причем в ряде случаев весьма существенно. Именно это и представляется не только не вполне понятным, но отчасти и парадоксальным, требуя выяснения своих причин. Попытка этого как раз и составляет основную *цель* данной работы.

Методы

Процедура исследования и измерения

Реализация этой цели предполагает необходимость получения двух основных массивов эмпирических данных. Во-первых, это данные относительно индивидуальной меры выраженности общей рефлексивности испытуемых. Во-вторых, это данные относительно индивидуальной меры выраженности основных метакогнитивных процессов и качеств у них. В этих целях использовались следующие диагностические методики.

Для определения индивидуальной меры рефлексивности использовалась разработанная нами с В. В. Пономаревой методика определения интегрального уровня рефлексивности (А. В. Карпов, 2004). По отношению к ней следует особо отметить, что она позволяет диагностировать именно *общую* рефлексивность – ее *интегральное* проявление, а не какой-либо, хотя и важный, но всё же частный ее аспект – тот или иной ее парциальный компонент (на что направлены иные методики такого типа – в частности, методика М. Гранта, диагностирующая социо- и ауторефлексию как ее парциальные проявления). Интегративный характер данной методики обеспечивается тем, что в ней предусмотрены специальные шкалы для диагностики базовых «составляющих» рефлексивности – актуальной, ретроспективной и перспективной; ауторефлексии (т. е. саморефлексии) и социорефлексии; поведенческой и коммуникативной рефлексивности, рефлексивности в профессиональной и в бытовой сфере и др. Подчеркнем также, что данная методика используется в исследовательской практике – причем не только нашей, но и других авторов, в течение более чем двадцати лет, систематически подтверждая свою обоснованность и диагностические возможности.

Кроме того, диагностировались следующие основные метакогнитивные процессы и качества с использованием соответствующих методик, также продемонстрировавших свою обоснованность и рассматривающихся в настоящее время как наиболее надежные:

- индивидуальная мера развития метамышления (ММ) как базового и процесса (по разработанной нами методике) (А. А. Карпов, 2018);
- индивидуальная мера развития метапамяти (МПам.) как еще одного базового метакогнитивного процессов (по методике Р. Диксона – Д. Халтча «Metamemory in Adult» – MIA (по (А. В. Карпов, 2015)));
- методика Д. Эверсон для диагностики уровня развития метапланирования – МПлан.

(по (А. А. Карпов, 2018); Tobias & Everson, 2002);

- сформированность мотивационных метакогнитивных стратегий (ММС) по методике MSLQ (Yzerbyt et al., 1998);
- степень сформированности метаэмоционального контроля (МЭК) по шкале методики «Комплексный опросник метакогнитивного потенциала личности» (А. А. Карпов, 2018);
- самооценка степени сформированности метакогнитивного поведения (МПов.) по методике Д. ЛаКоста (по (А. В. Карпов, 2015));
- мера и характер метакогнитивного мониторинга знаний (МЗ) по методике «Опросник метакогнитивной осознанности» (MAI) (Schraw & Dennison, 1994), определяемые как сумма баллов по двум шкалам: по шкале «метакогнитивные знания» и шкале «метакогнитивная регуляция»;
- процессы метакогнитивной ингибиции (МКИ) по разработанной нами методике (А. А. Карпов, 2018), сущность которых состоит в следующем. Как показывают выполненные в последнее время исследования, метакогнитивные процессы могут быть направлены не только на фасилитацию осознаваемого контроля за деятельностью, но и на его *ингибицию* – минимизацию и даже практически полную редукцию, что зафиксировано, в частности, в феноменах редукции рефлексивности, метакогнитивной блокады и метакогнитивного моратория. Они выступают очень важными операционными средствами, входящими в общий метакогнитивный потенциал личности и должны быть, следовательно, обязательно учтены при его определении.

Подчеркнем, что в этой совокупности представлены факторы не только *когнитивного* плана (метамышление, метапамять), но и факторы *регулятивной* направленности (шкала метакогнитивного поведения, процессы метапланирования). Предусмотрены не только традиционные модусы метапроцессов – когнитивный и регулятивный, но и иные их типы – в сфере *мотивационного* обеспечения (ММС) и *эмоционального* контроля (МЭК). Представлены не только факторы операциональной – собственно *процессуальной* направленности, но и их итоговые – так называемые «*знаниевые*» проявления (в виде процедуральных знаний, т. е. «мониторинга знаний» (МЗ)). Тем самым, данная совокупность в существенной мере гомоморфна основным классам психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, регулятивных). Следовательно, она достаточно репрезентативна в плане отображения в ней их общей совокупности в целом, т. е. метакогнитивного потенциала личности.

Выборка исследования

Выборку (n = 220; 115 мужчин, 105 женщин) составили, во-первых, представители основных классов деятельности – субъект-объектного (36 человек), субъект-субъектного (59 человек) и субъектно-информационного (65 человек), проживающих в четырех городах России (Ярославль, Москва, Рыбинск, Курск) в возрасте от 26 до 58: < 31 года – 82 человека (51,25 %), 31–45 лет – 56 человек (35,0 %), > 45 лет – 22 человека (13,75 %).

Субъектно-информационный тип в выборке представили такие профессии, как программист, технический редактор, веб-дизайнер, оператор ввода данных, системный администратор, IT-инженер, тестировщик программ, администратор баз данных, разработчик видеоигр. *Субъект-объектный тип* в выборке представили такие профессии, как мастер-строитель, электросварщик, инженер-электронщик, инженер-технолог. *Субъект-субъектный тип* составили учителя-предметники средних школ, преподаватели вузов, руководители среднего

и высшего звена управления, фронт-офисные операторы телекоммуникационных организаций. Во-вторых, в выборку входили и студенты ряда вузов гг. Ярославля и Москвы, что обеспечивало представленность в ней лиц, осуществляющих не только профессиональную, но и учебную деятельность как еще один ее основной тип (60 человек, по 30 представителей гуманитарных и технических специальностей). Благодаря учету при формировании выборки отмеченных выше различий – по роду и типу деятельности, полу, возрасту, образовательному профилю и др. – достигалась необходимая с точки зрения общего замысла данного исследования степень ее разнородности, являющаяся, в свою очередь, важным условием ее репрезентативности в плане решения основных задач данной работы.

Анализ данных

В ходе исследования была реализована методология *структурно-психологического* анализа, предполагающая, как известно, определенную последовательность ряда специфических исследовательских процедур. Так, она включает известный метод «полярных групп», предполагающий дифференциацию выборки на контрастные группы с последующей дифференцированной обработкой и сравнительным анализом данных в них по определенному критерию. В нашем случае им выступала индивидуальная мера рефлексивности. Далее, он предполагает реализацию процедуры многомерного корреляционного анализа. Она включает в себя: метод определения матриц интеркорреляций исследуемых параметров (в нашем случае – основных факторов метакогнитивного плана), метод построения структурограмм значимо коррелирующих параметров, метод вычисления индексов структурной организации, метод χ^2 для определения гомогенности/гетерогенности матриц интеркорреляций. Напомним, что сущность метода определения индексов структурной организации (в нашем исследовании – основных метакогнитивных параметров) состоит в следующем. К ним относятся, как известно, индекс когерентности структуры (ИКС), индекс дивергентности (дифференцированности) структуры (ИДС) и индекс организованности структуры (ИОС). Индекс когерентности структуры параметров определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; индекс дивергентности структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры (ИОС) – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости (А. В. Карпов, 2015). При этом связям при $p < 0,01$ приписывается «весовой» коэффициент 3 балла, при $p < 0,05$ приписывается «весовой» коэффициент 2 балла. Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что и дает значения указанных индексов. Такой метод позволяет, как известно, выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических, «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами, но и в плане его комплексной структурной обусловленности их целостными подсистемами.

Результаты

В таблице 1 представлены данные относительно индивидуальной меры выраженности диагностированных параметров метакогнитивного потенциала, равно как и его общей величины, в «полярных» группах испытуемых – с относительно наиболее низкой и наиболее высокой рефлексивностью.

Таблица 1
Средние значения и стандартные отклонения

Переменная	Выборка в целом (N = 220)	Сравнение групп по группам с разным уровнем рефлексивности		
		Низкая рефлексивность (n = 54)	Высокая рефлексивность (n = 56)	p
ММ	22,06 (6,00)	16,95 (5,40)	26,16 (6,95)	0,000
МПам.	20,01 (5,66)	18,26 (4,62)	22,82 (5,68)	0,328
ММС	64,25 (4,99)	34,41 (4,64)	34,08 (4,22)	0,461
МЭК	134,18 (9,88)	43,36 (9,57)	45,02 (7,74)	0,560
МПлан.	12,29 (2,40)	12,14 (2,63)	12,47 (2,14)	0,924
МЗ	36,59 (3,35)	31,39 (3,11)	37,07 (4,11)	0,337
МПов.	39,43 (5,14)	35,77 (5,69)	44,09 (8,03)	0,000
МКИ	88,67 (5,18)	87,92 (4,58)	90,43 (5,72)	0,331
МКП	61,10 (6,62)	57,68 (3,34)	66,37 (3,55)	0,000

Примечания: ММ – метамышление, МПам. – метапамять, ММС – метамотивационные стратегии, МЭК – метаэмоциональный контроль, МПлан. – метапланирование, МЗ – мониторинг знаний, МПов. – метакогнитивное поведение, МКИ – метакогнитивная ингибция, МКП – метакогнитивный потенциал (в отличие от всех иных параметров, он выражен не в баллах соответствующих им методик, а как суперпозиция стеновых оценок по всем 8 параметрам, поскольку при его определении некорректно непосредственно суммировать качественно различные единицы, в которых выражены результаты по каждой из методик); p – асимптотическая двухсторонняя значимость различий по тесту Манна – Уитни; значения $p < 0,10$ выделены полужирным шрифтом.

Дальнейшая проверка осуществлялась с помощью однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA), для проведения которого по фактору рефлексивности были выделены подгруппы, соответствующие низкому, среднему и высокому уровням ее выраженности и представляющие ориентировочно 25 %, 50 % и 25 %, соответственно, от объема рассматриваемой группы. Множественные сравнения выполнялись по критерию Геймса – Хоуэла, не требующему ни равенства объемов подгрупп, ни однородности дисперсий.

Анализ представленных результатов позволяет зафиксировать следующие факты. Во-первых, в целом индивидуальная мера выраженности отдельных параметров метакогнитивного плана несколько выше в группе с высоким уровнем рефлексивности, что, впрочем, вполне естественно. Однако (и это во-вторых) данные различия являются весьма умеренными – лишь ММ и МПов. они значимы на уровне более чем $p < 0,10$. В-третьих, наиболее существенно то, что различия групп по общему значению метакогнитивного потенциала, хотя также и просаживаются, но значимы лишь на уровне *тенденции*, т. е. с $p < 0,20$. Затем по отношению к полученным данным была реализована процедура многомерного корреляционного анализа, и для каждой группы определены матрицы интеркорреляций исследованных метакогнитивных параметров, на основе которых построены их структурограммы. Они представлены на рисунке 1.

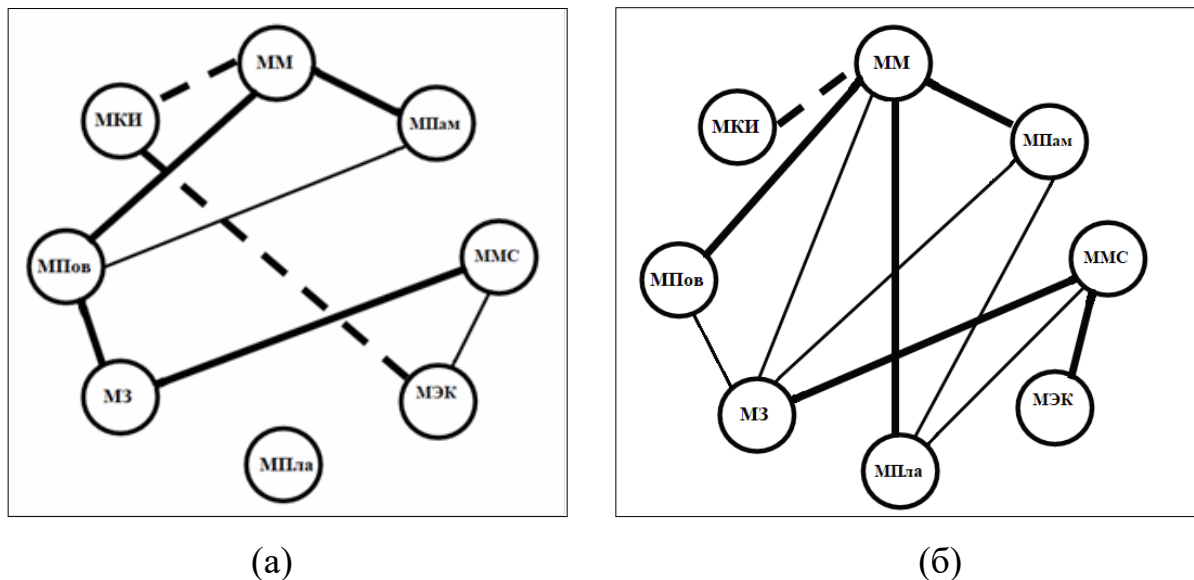

Рисунок 1. Структурограмма основных метакогнитивных параметров в подгруппе низкорефлексивных (а) и высокорефлексивных (б) испытуемых

Условные обозначения: аббревиатуры на структурограмме соответствуют тем обозначениям параметров, которые даны в описании применявшихся методик; жирная линия – связи на $p < 0,01$; тонкая линия – связи, значимые на $p < 0,05$; пунктирные линия – отрицательные связи.

В таблице 2 представлены данные относительно величин структурных индексов, рассчитанных для каждой из подгрупп испытуемых.

Таблица 2
Значения структурных индексов метакогнитивных параметров

	<u>Группа низкой рефлексивности</u>	<u>Группа высокой рефлексивности</u>
Индекс когерентности (ИКС)	16	25
Индекс дивергентности (ИДС)	6	3
Индекс организованности (ИОС)	10	22

Обсуждение результатов

Вся совокупность представленных выше результатов позволяет установить следующие основные особенности и закономерности. Во-первых, с достаточно высокой степенью отчетливости выявляется то обстоятельство, которое было констатировано выше как исходное и прогнозировалось априорно. Оно состоит в том, что между индивидуальной мерой выраженности интегрального показателя рефлексивности и величиной метакогнитивного

потенциала нет тождества. Данный факт проявляется в том, что величина метакогнитивного потенциала в группе с высокой рефлексивностью, хотя и превышает аналогичную величину в группе с низкой рефлексивностью, но разница значима лишь на уровне *тенденции*, т. е. с $p < 0,20$, что, как известно, не является статистически достоверным различием. Тем самым полученные данные в очередной раз подтверждают этот – весьма показательный, по нашему мнению, факт, и с еще большей настоятельностью требуют его объяснения.

Во-вторых, данное обстоятельство находит дополнительное проявление и подтверждение в том, что значимые различия между отдельными метакогнитивными параметрами в двух группах имеют место лишь в 2-х случаях из 8-ми (т. е. лишь в четверти случаев – в 25 %) и то – лишь на уровнях $p < 0,05$ и $p < 0,10$.

В-третьих, противоположная картина обнаруживается при переходе от аналитического способа обработки результатов к структурному, предполагающему нахождение матриц интеркорреляций метакогнитивных параметров, а также построение их структурограмм и последующее сравнение по совокупности основных структурных индексов. Можно видеть, что степень когерентности метакогнитивных параметров в группе лиц с высокой рефлексивностью равна 25 баллам, а в группе с низкой рефлексивностью – 16 баллам, т. е. в первой группе она более чем в 1,5 раза выше. Еще рельефнее различия между группами по степени общей организованности выявленных структур: в первой группе она равна 22 баллам, а во второй – лишь 10 баллам, т. е. в первой группе она уже более чем в 2 раза выше. Подчеркнем, что эти различия не только статистически значимы, но и весьма существенны в количественном отношении, поскольку выражаются не только в процентных значениях (хотя и в них тоже), а в размах – кратно, т. е. уже не только количественно, но и *качественно*.

В-четвертых, синтезируя все эти результаты, следует эксплицировать обстоятельство наиболее принципиального плана. Оно состоит в том, что основные различия между группами с разным уровнем индивидуальной меры выраженности рефлексивности существуют и могут быть обнаружены не на аналитическом уровне – не в плане отдельных метакогнитивных параметров и их аддитивной совокупности (т. е. суммативного объединения), а на структурном уровне – в плане особенностей их *интеграции* и *соорганизации*. Именно на этом уровне группа лиц с высокой рефлексивностью существенно превосходит группу лиц с низкой рефлексивностью. Следовательно, появляются все основания для заключения о том, что сама разница в индивидуальной мере выраженности рефлексивности – рефлексивность как таковая – в существенно большей степени детерминируется не отдельными метакогнитивными параметрами и даже не их аддитивной совокупностью (хотя такая детерминация также сохраняется), а степенью их *интегрированности*, мерой их соорганизованности. Иными словами, это означает, что рефлексивность как обобщенное свойство и мера его индивидуальной выраженности в целом детерминируется не только тем, насколько развиты ее отдельные парциальные компоненты, т. е. основные метакогнитивные процессы и качества, но и тем, насколько они интегрированы в целостность, соорганизованы и *структурированы* между собой. Именно *структурные эффекты* – эффекты интегративного типа – играют важную, определяющую роль по отношению к данному свойству и к детерминации степени его выраженности. Они, наряду с аддитивной – аналитической детерминацией, определяют его общий уровень, индивидуальную меру выраженности. Эти интегративные эффекты обуславливают несводимость рефлексивности к ее детерминации лишь со стороны метакогнитивных параметров в отдельности и их суммативному – агрегативному, аддитивному объединению. Значимая и очень

существенная детерминация генерируется их интеграцией и теми структурными эффектами, которые ей порождаются. Именно этим должен быть объяснен тот важный факт, согласно которому уровень рефлексивности и мера метакогнитивного потенциала в общем случае не являются тождественными. Одни и те же, или близкие значения данного потенциала могут сопровождаться существенно разными значениями общей рефлексивности, поскольку они зависят не только от суммы значений входящих в него парциальных компонентов, а от того, насколько они соорганизованы и интегрированы. Интеграция и порождает ту «прибавку», которая отличает общую рефлексивность от величины метакогнитивного потенциала, несводимость первой ко второму.

В-пятых, представленные результаты не только согласуются с целым рядом полученных нами ранее данных (и тем самым выполняют по отношению к ним верифицирующую функцию), но и позволяют углубить и конкретизировать их. Речь идет о группе принципиально сходных закономерностей структурного типа, выявленных на материале различных предметов изучения, но обладающих концептуальной общностью. В частности, это установленная нами связь степени *адаптированности* личности не только, а в ряде случаев – и не столько с мерой выраженности *отдельных* индивидуальных качеств (адаптационно-важных качеств – АВК) и их аддитивной совокупностью, сколько со степенью их *структурированности* – интегрированности и соорганизованности в целостные паттерны. Именно они – подсистемы АВК, а не их агрегативное множество, и определяют адаптированность личности к деятельности как профессиональной (А. В. Карпов, Орел, Тернополь, 2003), так и к учебной (Чимбеленге, 1996). Принципиально сходная закономерность структурного типа установлена по отношению к эффективности управленческой деятельности. Она также в очень существенной степени детерминирована закономерно организованными структурами профессионально-важных качеств, а не их аддитивной совокупностью (А. А. Карпов, 2018).

В-шестых, при всех этих – весьма значимых – эффектах структурного типа, проявляющихся в достаточно существенных различиях найденных структурограмм, их всё же нельзя абсолютизировать и поддаваться своего рода искушению гиперболизации установленного – действительно, значимого эффекта структурного типа. Дело в том, что сами эти различия существуют и проявляются на фоне еще более общих и, по существу, основополагающих закономерностей сочетания двух типов (и уровней) детерминации – аналитического и структурного. И именно в этом плане важным подтверждением такой общности выступает еще один полученный в итоге обработки результатов факт. Он состоит в том, что сравнение матриц интеркорреляций метакогнитивных параметров на предмет их гомогенности/гетерогенности в двух группах по критерию χ^2 показало их статистически значимую *гомогенность*. Это означает, что они различаются, в основном, не качественно – не «в принципе», а в *мере* структурированности и интегрированности, т. е. количественно.

Оба зафиксированных выше обстоятельства заслуживают особого внимания, в силу чего на них необходимо остановиться несколько более подробно. В самом деле, на первый взгляд, представляется, что гораздо «интереснее» был бы противоположный вариант, при котором матрицы оказались бы гетерогенными – качественно разнородными. Тогда можно было бы сделать «броский» вывод о глубоких – принципиальных и качественных трансформациях, происходящих в структуре метакогнитивной сферы личности под влиянием изменений индивидуальной меры выраженности рефлексивности. Однако в действительности этого не наблюдается, а перестройки носят не качественный, а количественный характер. Они

прослеживаются не в *принципе*, а лишь в *степени*. При детализированном анализе данного результата вскрывается, однако, что несмотря на его, так сказать, «меньшую и интересность», он, тем не менее, в гораздо большей степени соответствует реальной организации психики – тем базовым закономерностям, которым она подчиняется. Действительно, если бы метакогнитивные процессы и качества, а тем более их общая организация (структура) – подвергалась глубоким, принципиальным перестройкам под влиянием какого-либо одного, пусть и важного, фактора и, следовательно, была бы столь же принципиально вариативной, то о них как о базовых и фундаментальных – как о сопряженных с самой основой психического с ее процессуальным содержанием – вообще не приходилось бы говорить. Напротив, они должны быть принципиально *инвариантными* в своих базовых особенностях и закономерностях – в том числе, структурных, что и эксплицируется в данном исследовании. Однако именно на фоне этой инвариантности в принципиальных чертах не только могут, но и должны быть представлены вариации в степени действия их базовых закономерностей, что также выявлено выше.

Данное заключение позволяет эксплицировать еще одну значимую закономерность, поскольку позволяет предложить непротиворечивую интерпретацию тех особенностей, которые характерны для рефлексивности и ее индивидуальной выраженности в плане двух уровней (и типов) ее детерминант – аналитических и структурных. Они, как следует из представленных материалов, могут быть раскрыты с позиций привлечения наиболее общих и важных закономерностей собственно системного типа, установленных в теории систем. В частности, – это закономерность, согласно которой общий функциональный потенциал системы, ее ресурс определяется не только уровнем развития ее отдельных компонентов, но и уровнем их структурной организации в целом и, соответственно, выраженностью эффектов собственно синергетического плана. Именно эта – по существу, прямая связь индивидуальной меры рефлексивности со степенью структурной организации и, следовательно, с мерой представленности эффектов синергетического типа должна быть реализована в качестве интерпретационного средства для объяснения ее особенностей. Одновременно это же убедительно демонстрирует и подчиненность организации рефлексии специфически системным закономерностям, эксплицируя ее как образование именно такого – системного типа, в котором определяющую роль играют механизмы и иные операционные средства интегративного плана.

В-седьмых, в наиболее общем, собственно теоретическом плане, представленные результаты содействуют и решению, пожалуй, наиболее важного и принципиального вопроса – о психологическом *статусе* рефлексивности как интегрального качества и рефлексии как обеспечивающего ее процесса. Он, как известно, особо значим в связи с тем, что именно рефлексия выступает важнейшим, основным средством процессуального обеспечения сознания как такового и, соответственно, главным операционным средством высшего уровня регуляции поведения и деятельности – осознаваемого, произвольного. Этот вопрос обычно формулируется в следующем, хотя и несколько схематизированном, но в целом верном виде: может ли быть сведено процессуальное содержание рефлексии к совокупности содержаний тех более локальных процессов (в частности, когнитивных, метакогнитивных и иных), которые в нее, действительно, включены и, более того, которые обеспечивают ее реализацию? Или же в ней и соответственно – в самой рефлексивности как ее результативном проявлении формируется такое специфическое содержание, которое не может быть редуцировано до аддитивной совокупности содержания входящих в нее отдельных компонентов – метакогнитивных процессов и качеств? Острота этого вопроса связана и с тем, что лишь в случае

позитивного варианта ответа на него сама рефлексивность может быть эксплицирована как такое образование, которое действительно обладает собственным процессуальным статусом, принципиально не редуцируемым ко всем иным известным в настоящее время образованиям. Представленные выше результаты и их интерпретация свидетельствуют в пользу этого варианта ответа на данный – повторяем, наиболее принципиальный теоретический вопрос. *Рефлексивность* как обобщенное индивидуальное *качество* раскрывается как такое образование интегративного типа, которое формируется на основе синтеза всей совокупности метакогнитивных процессов и качеств. Однако то же самое справедливо и по отношению к рефлексии как столь же обобщенному *процессуальному* образованию: поскольку метакогнитивные процессы трактуются в теории как процессы «второго порядка» – принципиально «вторичные», то рефлексия, выступающая продуктом их интеграции, выступает как процесс еще более высокого уровня обобщенности – как процесс «третьего порядка» сложности организации. В этом, по-видимому, и состоит истинная специфичность ее уровневой статуса, а также места в общей организации системы психических процессов.

Подводя итоги проведенному выше анализу, можно сформулировать следующее основные *выводы*. *Во-первых*, развертывание исследований в двух очень значимых направлениях – в психологии рефлексии и в метакогнитивизме – характеризуются принципиальной и всё более углубляющейся конвергенцией, достигшей в настоящее время такой степени, которая уже требует их синтеза. Ключевым концептуальным средством такого синтеза может выступить трактовка основных метакогнитивных процессов и качеств, а также иных операционных средств метакогнитивного плана как парциальных компонентов рефлексивности, как ее базовых и наиболее специфических «составляющих».

Во-вторых, обоснованность такой концептуализации сопряжена не только с аргументами теоретического порядка, но и с тем, что на ее основе открываются новые возможности для эмпирико-экспериментального исследования как самой рефлексивности, так и метакогнитивных процессов и качеств, т. е. с ее конструктивностью в собственно исследовательском плане с ее операциональностью. Это, в свою очередь, создает достаточные условия для углубления исследований и в каждом из отмеченных направлений, и на их стыке.

В-третьих, одной из основных закономерностей организации рефлексивности, эксплицируемой эмпирическими процедурами и потому – принципиально объективируемой, является нетождественность меры ее индивидуальной выраженности и общей величины метакогнитивного потенциала, образованного аддитивной совокупностью основных метакогнитивных процессов и качеств, равно как и иных операционных средств этого типа.

В-четвертых, в рефлексивности как интегральном индивидуальном качестве и, соответственно, в рефлексии как обеспечивающем ее макропроцессе имеет место действие специфически системных закономерностей и механизмов аналогичного ее природе – собственно интегративного типа, порождающих синергетические эффекты и, как следствие, приводящих к генерации нового специфического для них содержания. Оно несводимо к аддитивной совокупности содержания входящих в рефлексивность парциальных составляющих (метакогнитивных процессов и образований), эксплицируя тем самым его собственное содержание и определяя самостоятельность и специфичность ее статуса.

В-пятых, выявленная связь индивидуальной меры рефлексивности со степенью структурной организации и, следовательно, с мерой представленности эффектов синергетического типа должна рассматриваться в качестве интерпретационного средства для объяснения

принципиальных особенностей ее организации. Одновременно это выявляет и подчиненность организации рефлексивности специфически системным закономерностям, эксплицируя ее как образование именно такого – системного плана, в котором определяющую роль играют механизмы и иные операционные средства интегративного типа.

Литература

- Андерсон, Дж. (2002). *Когнитивная психология*. Санкт-Петербург: Питер.
- Карпов, А. А. (2018). *Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности*. Ярославль: ЯрГУ.
- Карпов, А. А., Карпов, А. В. (2015). *Введение в метакогнитивную психологию*. Москва: Изд-во Московского психолого-социального университета.
- Карпов, А. В. (2004). *Психология рефлексивных механизмов деятельности*. Москва: Институт психологии РАН.
- Карпов, А. В. (2015). *Психология деятельности* (в 5-ти т.). Москва: Изд-во РАО.
- Карпов, А. В., Орел, В. Е., Тернопол, В. Я. (2003). *Психология профессиональной адаптации*. Москва: Институт «Открытое Общество».
- Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н. (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(4), 110–135.
- Холодная, М. А. (2012). *Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям*. Москва: Когито-Центр.
- Чимбеленге, К. У. (1996). *Процессы адаптации и реадaptации в структуре профессионализации личности* (кандидатская диссертация). Ярославль.
- Шадриков, В. Д., Кургинян, С. С. (2015). Исследование рефлексии деятельности и ее диагностика через оценку конструкторов психологической функциональной системы деятельности. *Экспериментальная психология*, 8(1), 106–126.
- Abdelrahman, R. M. (2020). Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students. *Heliyon*, 6(9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04192>
- Allon, M., Gutkin, T. B., & Bruning, R. (1994). The relationship between metacognition and intelligence in normal adolescents: Some tentative but surprising findings. *Psychology in the Schools*, 31(2), 93–97. [https://doi.org/10.1002/1520-6807\(199404\)31:2<93::AID-PITS2310310202>3.0.CO;2-X](https://doi.org/10.1002/1520-6807(199404)31:2<93::AID-PITS2310310202>3.0.CO;2-X)
- Borkowski, J., & Muthukrishna, R. (1992). Components of children's metamemory. In *Memory Development* (pp. 142–158). N. Y.
- Brown, A. L. (1987). Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms. In F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds.), *Metacognition, motivation, and understanding* (pp. 65–116). Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates.
- Craig, K., Hale, D., Grainger, C., & Stewart, M. E. (2020). Evaluating metacognitive self-reports: Systematic reviews of the value of self-report in metacognitive research. *Metacognition and Learning*, 15, 155–213. <https://doi.org/10.1007/s11409-020-09222-y>
- Davidson, E., Deuser, D., & Sternberg, R. (1994). The role of metacognition in problem solving. In J. Metcalfe, A. P. Shimamura (Eds.), *Metacognition: Knowing about knowing*. Cambridge: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4561.003.0012>
- Dixon, R. A., & Hulstsch, D. F. (1983). Structure and development of metamemory in adulthood. *Journal of Gerontology*, 38(6), 682–688. <https://doi.org/10.1093/geronj/38.6.682>

- Dori, Y. J., Mevarech, Z. R., & Baker, D. R. (Eds.) (2018). *Cognition, metacognition, and culture in STEM education: Learning, teaching and assessment*. Springer.
- Dörner, D. (1978). Self-reflection and problem-solving. In F. Klix (Ed.), *Human and artificial intelligence* (pp. 101–107). Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Ferrari, M., & McBride, H. (2011). Mind, brain, and education: The birth of a new science. *LEARNING Landscapes*, 5(1), 85–100. <https://doi.org/10.36510/learnland.v5i1.533>
- Flavell, J. H., Miller, P. H., & Miller, S. A. (1993). *Cognitive development* (3rd edition). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Jarman, R. F., Vavrik, J., & Walton, P. D. (1995). Metacognitive and frontal lobe processes: At the interface of cognitive psychology and neurophysiology. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, 121(2), 153–210.
- Karpov, A. V. (2015). The structure of reflection as the basis of the procedural organization of consciousness. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(3), 17–27. <https://doi.org/10.11621/pir.2015.0302>
- Kluwe, R. H. (1982). Cognitive knowledge and executive control: Metacognition. In D. R. Griffin (Ed.), *Animal mind – human mind* (Vol. 21). Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-68469-2_12
- Lefebvre-Pinard, M. (1983). Understanding and auto-control of cognitive functions: Implications for the relationship between cognition and behavior. *International Journal of Behavioral Development*, 6(1), 15–35. <https://doi.org/10.1177/016502548300600102>
- Lim, K. S., & Ng, P. L. (2011). Examining and comparing the factorial validity of the construct of metacognitive awareness across two grade levels. In *Proceedings of the 1st International Conference on World-Class Education*. <https://doi.org/10.13140/2.1.1211.4729>
- Mariano, G. J., Figliano, F. J., & Dozier, A. (2017). Using metacognitive strategies in the STEM field. In E. Railean, A. Elçi, & A. Elçi (Eds.), *Metacognition and successful learning strategies in higher education*. IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-2218-8.ch012>
- Metcalfe, J., & Eich, T. S. (2019). Memory and truth: Correcting errors with true feedback versus overwriting correct answers with errors. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 4. <https://doi.org/10.1186/s41235-019-0153-8>
- Nelson, T. O. (1996). Consciousness and metacognition. *American Psychologist*, 51(2), 102–116. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.51.2.102>
- Schraw, G., & Dennison, R. S. (1994). Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*, 19(4), 460–475. <https://doi.org/10.1006/ceps.1994.1033>
- Schwartz, B. L., & Metcalfe, J. (2017). Metamemory: An update of critical findings. In J. H. Byrne (Ed.), *Learning and memory: A comprehensive reference*. Elsevier: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809324-5.21056-0>
- Song, J. H. H., Loyal, S., & Lond, B. (2021). Metacognitive Awareness Scale, Domain Specific (MCAS-DS): Assessing metacognitive awareness during Raven's Progressive Matrices. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.607577>
- Splichal, J. M., Oshima, J., & Oshima, R. (2018). Regulation of collaboration in project-based learning mediated by CSCL scripting reflection. *Computers & Education*, 125, 132–145. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2018.06.003>
- Tobias, S., & Everson, H. T. (2002). *Knowing what you know and what you don't: Further research on metacognitive knowledge monitoring*. New York: College Entrance Examination.

- Tulving, E. (1985). Memory and consciousness. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 26(1), 1–12. <https://doi.org/10.1037/H0080017>
- Veenman, M. V., Van Hout-Wolters, B. H. A. M., & Afflerbach, P. (2006). Metacognition and learning: Conceptual and methodological considerations. *Metacognition and Learning*, 1, 3–14. <https://doi.org/10.1007/s11409-006-6893-0>
- Yzerbyt, V. Y., Lories, G., & Dardenne, B. (1998). *Metacognition: Cognitive and social dimensions*. SAGE Publications Ltd.

Дата получения рукописи: 07.02.2022

Дата окончания рецензирования: 21.02.2022

Дата принятия к публикации: 03.03.2022

Заявленный вклад авторов

Анатолий Викторович Карпов – идейное научное руководство, базирующееся на применении метакогнитивной методологии к разработке рефлексивной проблематики; теоретическое обобщение результатов.

Александр Анатольевич Карпов – раскрытие идеи статьи с применением методологии структурного анализа, обработка данных и интерпретация результатов.

Анна Вадимовна Чемякина – планирование эмпирического исследования, применение методики диагностики рефлексивности, организация сбора данных, интерпретация результатов.

Информация об авторах

Анатолий Викторович Карпов – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова», член-корреспондент Российской академии образования, г. Ярославль, Российская Федерация; Scopus Author ID: 7102768585, ResearcherID: X-1859-2018, SPIN-код: 9059-4017; e-mail: anvikar56@yandex.ru

Александр Анатольевич Карпов – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; ResearcherID: N-7550-2016, SPIN-код: 8353-5150; e-mail: karпов.sander2016@yandex.ru

Анна Вадимовна Чемякина – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация; SPIN-код: 8025-3150; e-mail: anychemy@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.